

иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции является недостаточно эффективным.

По нашему мнению, использование профессионально-ориентированного подхода к обучению ИЯ студентов неязыкового профиля и формирования у них профессионально-коммуникативной компетенции окажется более продуктивным, если будет увеличено количество часов на изучение ИЯ (с 120-150 до 210 часов) и обучение будет осуществляться в течение трех семестров; если содержание учебного материала будет содержать профессионально направленные аутентичные тексты, ситуации делового и бытового характера; если будет правильно (=рационально) организована самостоятельная работа студентов, включающая материалы и задания на подготовку презентаций, проектов, студенческих конференций круглого стола.

Заключение. В настоящее время требуются специалисты, обладающие не только высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и умеющие решать профессиональные задачи в условиях иноязычной коммуникации. Использование профессионально-ориентированного подхода к обучению ИЯ студентов неязыкового профиля способствует формированию иноязычной профессионально-коммуникативной компетенции.

Список литературы

1. Тарасевич, Л.А. Иностранный язык для профессии / Л.А. Тарасевич // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта. – 2007. - №1. – С. 87-92.
2. Образцов, П.И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П.И. Образцов, О.Ю. Иванова. – Орел: ОГУ, 2005. – 114с.
3. Майорова, В.Ю. Сущность иноязычной профессиональной коммуникативной компетентности будущих инженеров / В.Ю. Майорова // Вышэйшая школа. – 2011. - № 3. – С. 16-20.
4. Зиннурова, Ф.М. Формирование профессионально-языковой компетентности студентов ССУЗ в полиэтническом регионе (на примере строительных специальностей): автореф. дис. ... канд. пед. наук. – Йошкар-Ола, 2006. – 25 с.
5. Прудникова, Н.Н. Педагогическая технология формирования иноязычной компетенции студентов неязыковых вузов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01 / Н.Н. Прудникова. – Саратов, 2007. – 231 л.
6. Гальскова, Н.Д. Современная методика обучения иностранному языку: пособие для учителя / Н.Д. Гальскова. – М.: АРКТИН-Глосса. – 2000. – 165 с.
7. Гальскова, Н.Д. Теория обучения иностранным языкам: лингводидактика и методика / Н.Д. Гальскова, Н.И. Гез. – М.: Издательский центр «Академия». – 2004. – 336 с.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЗАПИСИ В СИСТЕМЕ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ БЕЛОРУССКО-РУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

*Л.М. Вардомацкий
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Изучение языка пограничных территорий – составная часть изучения истории, культурной, политической и экономической жизни народов. Однако однозначного определения понятия «языковое пограничье» сегодня нет. И появление

такого определения представляется весьма сомнительным. Во-первых, вызывает трудности локализация территорий, которые мы называем пограничными. Так, по отношению к Беларуси, все приграничные географические территории имеют существенные политические и историко-культурные различия. Некоторые исследователи сегодня, например, выделяют «протяженное либо островное» языковое пограничье. (М.Луцевич, Варшава). С несколько иных, разных позиций это понятие должно рассматриваться в диахронном и синхронном планах. В последнее время, например, появился даже новый термин: «Новое «постсоветское пограничье»». (Т.Журженко, Харьков).

Цель настоящей работы – в рамках решения общей проблемы рассмотреть лексико-фонетические особенности говоров крестьян Оршанского уезда, представленных в записях наблюдателей середины XIX века. Обращение к данной этнолингвистической проблеме актуально, поскольку изучение ее (прежде всего через топонимику, историческую лексикологию, лексикографию и этнографию) может привести к успеху в создании лингвистических атласов, которые позволят наглядно увидеть направление и глубину нарастания или ослабления общих или интерферирующих языковых явлений.

Материал и методы. Проблеме лингвистического пограничья посвящено значительное количество работ как теоретических, так и анализирующих собранные в полевых условиях языковые материалы. В этих исследованиях прослеживаются два основных направления. Большая часть работ посвящена систематизации и каталогизации специфических особенностей языка жителей различных приграничных регионов. Их задача – накопление и анализ фактического материала для установления ареалов распространения тех или иных языковых фактов. Другая часть работ посвящена изучению особенностей языка жителей приграничных территорий с целью «выявления механизмов формирования языковой идентичности, а также определения корреляции между этнической и языковой идентичностями на территории пограничья», поскольку, по мнению авторов, «языковое самосознание жителей данного региона тесно связано с этническим самосознанием». (О.Коновалова).

На наш взгляд, стремление к определению этнической принадлежности жителей пограничных (приграничных) территорий через изучение их языковой самоидентификации неверно в принципе. Поскольку определение языка – сложная теоретическая проблема, а самоидентификация чаще всего базируется на совершенно других, далеких от научности принципах.

Нельзя не согласиться с мнением Т.А. Листовой о том, что русско-белорусское пограничье следует отнести к регионам с трудно определяемой (добавим, с исторической точки зрения) этнической принадлежностью.

Известно, что к началу письменной истории восточных славян (нач. XI в.), и сами восточные славяне, и их соседи Русью называли обширную территорию от Закарпатья на западе до верховьев Оки на востоке и от реки Волхов на севере до нижнего течения Днепра. И современное белорусско-русское языковое пограничье являлось той центральной осью, вокруг которой (а не по левую и правую стороны) формировались будущие этносы. Диалектные племенные (затем территориальные) различия в ту эпоху были, вероятно, настолько несущественными при общении, что памятники письменности не донесли до нас ни одного указания летописцев или переписчиков на языковые различия древневосточнославянских территорий.

По ряду специфических признаков на территории белорусско-русского пограничья Т.А. Листова считает необходимым выделять два региональных ком-

плекса: псковско-белорусское и смоленско-белорусское пограничье. Справедливость этой мысли подтверждается и историческими фактами. После 1-го раздела Речи Посполитой в 1772 Большая часть Полоцкого и Витебского воеводств была присоединена к Псковской губернии. Затем из земель бывших Мстиславского, Витебского и Минского воеводств ВКЛ, были образованы Могилевская и Витебская губернии. Могилевская включала, наряду с Могилёвской, Мстиславской, Рогачёвской, и Оршанскую провинцию.

Витебская губерния, наряду с Витебским, Городокским, Двинским, Полоцким, Дриссенским, Лепельским уездами, включала также Велижский, Невельский, Режицкий, Себежский уезды, относящиеся ныне к сопредельному государству.

Такая история, конечно, не могла не отразиться и на этнолингвистических особенностях территории, и на самоидентификации населения. А то, что мы называем сегодня белорусско-русским языковым пограничьем, на самом деле представляет собой сложный, географически подвижный конгломерат исторической общности и развившихся особенностей. Тем более для понимания динамики их складывания исследователю интересны любые сведения, которые могут дать представление о языковых особенностях территорий ушедших эпох. К таким источникам можно отнести фольклорные записи, сделанные в Оршанском уезде в 70-х годах XIX века и помещенные в книге А.С. Дембовецкого «Опыт описания Могилевской губернии» (Книга 1, Могилев, 1882).

Понимая, что записи нельзя считать профессиональными, мы все же находим, что они могут иметь исследовательскую ценность по следующим причинам. Во-первых, изучение текстов свидетельствует о последовательном и непротиворечивом использовании условных значков в передаче фонетического облика слов, во-вторых, источниками записей служат только крестьяне, относительно свободные (в отличие от польско- или российскоориентированного дворянства) от иноязычного влияния.

В качестве примера оригинала приведем здесь следующую запись.

Звѣнчали, Ганнульку, звѣнчали,
Шѡвковымъ пѡсомъ звязали;
А ни нѡжомъ ёго разрѣзаѢь,
Руками нѣ можнѡ разѡрваѢь,
Такъ имъ ѣжо вѣкъ вѣкѡваѢь.
(Зап. 189).

Интересна методика записей. Они сделаны в соответствии с русской орфографией. А затем «для передачи местного народного говора, – как указывает собиратель (И.Рубановский?), – употреблены следующие надстрочные знаки»: ѡ – а, ѣ – я, Ѣ – ц мягкое. (Здесь приведены только те, которые отражены в цитируемом отрывке).

То, что автор записей пришел к необходимости введения дополнительных символов, свидетельствует, что он четко слышал и выделял фонетические особенности местной речи. И некоторые из этих особенностей мы можем сегодня воспроизвести с высокой долей вероятности. Например,

последовательное отражение аканья: [шавковым], [паясом], [нажом], [разарвать], [векавать]; развитие яканья ёго = [яго], нѣ можнѡ = [ня можна]; так наз. цеканье: разрѣзаѢь = [разрезаѣь], разѡрваѢь = [разарваѣь], вѣкѡваѢь = [векаваѣь]; распространение у-неслогового [ѣ]: [ѣжо], озвончение [с] перед [в]: звѣнчали, звязали; протетический [г] перед гласными в начале слова: Ганнулька.

Не менее интересны и те места записей, которые можно определить как неточные. И эта неточность достаточно легко определяется. Так, в приведенном тексте находим запись – шѡвковымъ. Здесь В (в первом слоге) употреблен на месте этимологического Л. Следовательно, таким способом собиратель передает переход [л] → в [в] билабиальное (→[ʋ]), в соответствии с чем мы должны иметь фонетическую форму [шаўковым].

Трудно аргументируемым в приведенной записи остается только фонетическое значение О в слове пѡсомъ. Либо этот [о] подударный, но тогда во втором предударном слоге должно быть не [ѡ] (а, судя по записям, собиратель очень тщательно относился к фонетической передаче слов), либо это действительно неточная запись (сравним – *можнѡ*).

Заключение. Как видно, изучение фольклорных записей, сделанных собирателями в XIX веке, позволит уточнить историю формирования и тенденции развития языка интересующей нас территории.

ОЙКОНИМИЯ БЕЛОРУССКОГО ПООЗЕРЬЯ: ПРОБЛЕМЫ РЕНОМИНАЦИИ

Т.Ю. Васильева

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Топонимия любого региона складывается под влиянием различных факторов, главными из которых являются естественно-географическая среда, социально-исторические условия, морально-этические и религиозные представления [1, 119]. Значительные изменения в исторически сложившейся на территории Белорусского Поозерья ойконимной системе вызвали многочисленные переименования населенных пунктов, активно проводившиеся в советское время. Цель нашей работы – рассмотрение влияния процесса реноминации на развитие ойконимной системы Белорусского Поозерья.

Материал и методы. Материалом исследования послужили названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, представленные в словаре Е.Н. Рапановича «Слоўнік назваў населеных пунктаў Віцебскай вобласці» (Мінск: Навука і тэхніка, 1977). В словаре фиксируется 132 случая замены исконных названий населенных пунктов, которые датируются в основном 60-ми гг. XX в. При анализе и обработке материала были использованы описательный и сопоставительный, а также элементы статистического метода.

Результаты и их обсуждение. Названия населенных пунктов, присвоенные в советское время, в ономастической литературе квалифицируются как советонимы. Выделение и описание тематических групп советонимов проводится в работах белорусских и российских исследователей (А.М. Мезенко, В. Шура, А.Е. Яротова, С.А. Попова и др.). Так, исследуя ойконимы Беларуси, появившиеся в 60-е годы XX в., А.М. Мезенко выделяет в составе вновь присваиваемых наименований две тематические группы: флористические названия и названия, характеризующиеся абстрактной символикой как идеологического, так и общечеловеческого содержания [2]. Анализ ойконимного материала позволил разделить названия населенных пунктов Белорусского Поозерья, возникшие в результате переименований, на следующие группы:

1. Ойконимы, мотивированные понятиями идеологического и общечеловеческого характера: *Дивная* (до 1969 г. *Городец*), *Дружба* (до 1969 г. *Ярки I* и *Ярки II*), *Дружная* (до 1964 г. *Болтухи*), *Коммунарка* (до 1964 г. *Скуловичи*), *Майская*